

О галицком боярине Жирославе, его венце и убожестве

Еще в 1928 г. В. Н. Перетц поставил вопрос о том, как историку следует трактовать случаи, когда его источник говорит «чужим языком»:

Чи можна за кожним словом літопису, за його оповіданням про події — бачити справжні події, або — чи не маємо ми часом замість реальних подій лише готові стилістичні формули, що їх літописець запозичив цілком зі свого джерела, або такі, що виникли з бажання літописця подати децю подібне, аналогічне до того, що він вичитав у своєму джерелі. Ясно, що до свідомств такого характеру історик є повинний ставитися дуже обережно¹.

Исследователь не предложил однозначного ответа, как не может его найти и современная наука. В большинстве своем историки склонны пренебрегать поисками подобных случаев и уклоняться от обсуждения уже найденных. Более комфортным представляется трактовать текст летописи как непосредственное (хотя и не всегда внятное) отражение действительно состоявшихся событий. В ответ источники нередко завлекают исследователя в западню.

Под 1226 г., проставленном в *Ипатьевском списке* (и, вероятно, действительно близко к этому году²), *Галицко-Волынская летопись* сообщает о клевете боярина Жирослава на Мстислава Мстиславича: будто бы тот собирался «идти в поле» и «предать» всех галицких бояр своему тестю хану Котяну «на избитье»³. В ответ бояре демонстративно отъехали в Перемышль. Мстислав послал к ним своего духовника Тимофея, обличил Жирослава, вернул бояр и затем изгнал Жирослава «от себе».

Гневная тирада летописца привлекла внимание Л. В. Черепнина, выписавшего фрагмент полностью, но оставившего его без обсуждения⁴ и А. И. Генсерского, приведшего ее в качестве примера патерического стиля в *ГВл*, но не установившего ее источника⁵. Судя по комментированному изданию *ГВл*, историков в этом сообщении привлекает абсурдность обвинения и неоправданная обстоятельностью паническая реакция бояр⁶. И то, и другое, впрочем, удачно объясняется коварством интригана Жирослава. Между тем, проблемы с этим текстом гораздо более серьезные.

Начать с того, что, как утверждает летописец, бояре

видоша в землю Перемышлескоюу. в горы Кавокасыкия рекше во Оугорскыя. на рѣкою Днепръ.

Эта чрезвычайно странная локализация Перемышля почему-то не привлекала внимания историков. А между тем это — прямая цитата начальных страниц *Повести временных лет*, где среди перечня восточноевропейских рек читаем:

Дунаи Днепръ. и Кавькасиискыя горы. рекше Оугорьскыя⁷.

Автора *ГВл*, знавшего о расположении Перемышля в предгорьях Карпат («Угорских гор»), верно, привлёк удобный случай привести письменный источник, и он, особо не задумываясь, выписал запомнившийся ему текст. Это должно сигнализировать, что составляя отчет о Жирославе, древний писатель был особенно внимателен к возможности включить в рассказ результаты своих предыдущих чтений.

Завершается история о предательстве и изгнании Жирослава диатрибом против боярина, первая часть которого сравнивает его с Каином, вторая же резко обличительно характеризует самую личность Жирослава. Именно вторая часть представляет для нас особенный интерес, так как существует мнение, что она отражает какие-то реалии галицкой политики.

Вот этот текст:

ѡтудоу выгнанъ. иде ко Изяславоу. бѣ бо лоукавыи льстѣц нареченъ. и всихъ стропотливее. и ложь пламанъ всеименитыи ѡцмъ добрымъ. оубожество. возбранаше злобоу его. лъжею питашеса языкъ его. но моудростию возложаше вѣроу на лжюу. красашеса лестью паче вѣнца. лжеименѣцъ зане прелщаше. не токмо чюжихъ но и своихъ возлюбленыхъ. имениа ради ложь. того бо дѣла жадаше быти оу Изяслава.

Эта характеристика привлекла внимание А. А. Горского, справедливо отметившего ее невнятность. Многие тут непонятно: «ничего не известно о знаменитом отце Жирослава, неясно, каким венцом мог боярин гордиться меньше, чем лестью»⁸. Исследователь решил, что относимая к боярину, характеристика не поддается дешифровке. Напротив, переадресовав ее князю Изяславу (под которым А. А. Горский понимает одного из сыновей Мстислава Мстиславича Удачного⁹), исследователю, как ему кажется, удастся найти смысл и отдельных частей, и всей характеристики в целом:

Если допустить, что речь идет об Изяславе, и что этот последний — сын Мстислава Галицкого, все встанет на свои места: Жирослав захотел служить Изяславу, так как тот так-же лжив и льстив, как он (эти качества Изяслава проявятся позже, когда он нарушит союзнический договор с Даниилом Романовичем); знаменитый и “добрый” отец — Мстислав Мстиславич, только что отстоявший свое доброе имя, “венец” — символ княжеской власти. Под “убожеством”, мешавшим “злобе”, может иметься в виду отсутствие у Изяслава прочной опоры на Руси, в результате чего он был всегда вынужден опираться на иноземные силы — половцев, венгров, татар¹⁰.

Увы, такая переадресовка невозможна: каковы бы ни были личные качества князя Изяслава, летописец недвусмысленно указывает, что характеристика относится именно к Жирославу, и именно из-за перечисленных своих достоинств тот хотел служить Изяславу (того бо дѣла жадаше быти оу Изяслава).

Остроумная расшифровка, следовательно, оказывается мнимой и текст по-прежнему озадачивает исследователя своими загадками.

Невозможно принять предложение А. А. Горского и по другим основаниям. Вообще говоря, у постоянного и внимательного читателя *ГВл* со временем вырабатывается привычка зачислять подобного рода фрагменты — страдающие избыточной вычурностью стиля или же не вполне внятные — к потенциальным заимствованиям из хронографической литературы. Такая осторожность, к которой призывал В. Н. Перетц, оказывается не лишней, ибо чаще всего окончательная проверка действительно устанавливает, что фрагмент представляет собой либо прямую цитату, либо парафраз.

Так случилось и в нашем случае. Характеристика (быть может, действительно «льстивого») боярина Жирослава оказывается практически дословной цитатой из второй книги *Иудейской войны* Иосифа Флавия. Это самое начало 21 главы. Ср.:

потомъ вѣста на иусифа, мѣжъ нѣкто именемъ ивѣаннѣ. лиоуинъ снѣ лоукавыи льстець нарочить. и всѣхъ строптивѣи. ложь пламенѣнъ. но не имѣнить тѣмъ же и до многа времени, оубожество възбранаеть злобою его. и лжею питашеса языкъ его. но мѣдростию възложаше вѣрѣ на ложи. и красшеса лестію паче вѣнца. лицемѣрець же врѣховнїи величашеса. зане прелщаше не токмо тѣж(д)ихъ. но ѿ свои(х) ближнихъ, възлюблены(х). имѣнїа ради кровопииць. воинѣ жадаше болма, и того ради събра укрьсть себе. и быша подобни емоу (408в, 1–18)¹¹.

Как видим, ни «венец», ни «убожество» не имеют никакого отношения к Изяславу и вообще к политической ситуации на Руси. По существу, единственное редакционное изменение, допущенное автором этой части *ГВл* в тексте цитаты, состоит в замене «не имѣнить» на, вероятно, более подходящее положению Жирослава «всеименитыи ѿцѣмъ добрымъ»¹². Кроме этой подробности (которую мы и так бы предполагали без всякого особенного текста) ничего индивидуального в характеристике Жирослава, увы, нет.

По всем признакам эпизод выглядит вставкой в первоначальный текст, заканчиваясь характерной фразой перехода: мы же на преднее возвратихомса. Во многих случаях цитаты из хронографа обнаруживаются именно во вставных текстах. Эта, следовательно, также принадлежит тому же начитанному автору, что позволял себе аналогичные (т. е. с цитатами из хронографа) вставки в тексты своих предшественников.

Стараниями В. Н. Перетца и А. С. Орлова в свое время был составлен, хотя и не исчерпывающий, но довольно значительный каталог заимствований в *ГВл* из хронографа, расширенный в последнее время благодаря изысканиям Т. В. Вилкул и К. В. Кириченко¹³. К сожалению для историка, характеристика галицкого боярина Жирослава годна лишь для пополнения этого списка еще одним примером.

1 *Збірник Історично-філологічного відділу УАН. № 76. Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. К., 1928. Ч. II. С. 213.*

- 2 Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. *Mittheilungen der Sevchenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg*. 1901, Bd. XLI, III. S. 20.
- 3 *ПСРЛ* 2: 747–748.
- 4 См.: Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. *Исторические записки*. Т. 12. 1941. С. 229.
- 5 Геньсюрський А. І. *Галицько-Волинський літопис. Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості*. К., 1961. С. 230.
- 6 *Галицько-Волинський літопис. Дослідження, текст, коментар*. За ред. М. Ф. Котляра. К., 2002. С. 194–195.
- 7 *ПСРЛ* 2: 3. Автор *ГВл* цитує саме *Ипатьевскую* версію *ПВЛ*, в *Лаврентьевском списке* замість «Днепр», ймовірно, більш правильне «Дністр» (*ПСРЛ* 1: 3).
- 8 Горський А. А. *Русские земли в XIII–XIV вв. Пути политического развития*. М., 1996. С. 15–16.
- 9 Отмечу, що це отождествлення проблематично, так як походить на двусмысленном перечене князей в статті 1231 г. *Лавр.* (*ПСРЛ* 1: 457). Крім того, припускаючи, що Ізяслав — син Мстислава Мстиславича, трудно пояснити, чому саме до сина втікає і знаходить у нього захисту оклеветавший отця Жирослав.
- 10 Горський А. А. *Русские земли в XIII–XIV вв.* С. 16.
- 11 «*История иудейской войны*» *Иосифа Флавия. Древнерусский перевод*. Т. 1. Изд. подг. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. М., 2004. С. 198. Для прояснення доволі складної метафорики древнерусського тексту приведу переклад на сучасний мову: «1. В той час, коли Іосиф вищеописаним чином правив Галілеї, проти нього виявився противник в лиці сина Леви, Іоанна з Гісхали — пронырливішого і коварнішого з впливливих людей, який в гністості не мав собі подібного. Внаслідок він був беден, і це відсутність засобів ще довге час лежало каменем преткнення на шляху його злодійства; але за те він завжди був готов солгати і в досконалості володів мистецтвом робити свою лож правдоподібною; обман він вважав добродетеллю і користувався їм проти кращих своїх друзів. Він притворявся людянолюбивим, але в дійсності був до крайності кровожаден из корыстолюбия; завжди він носився з високими планами, але строил их завжди на своїх гністных плутовських проделках. Начав свою кар'єру з звичайного розбойника, займаючись своїм ремеслом на власний ризик, він швидко знайшов собі товаришів, не уступаючи йому в смелості, спочатку небагатьох, а з часом часу всі більше і більше. Він не брав ні одного, якого можна було б легко поборова, а вибирав собі виключно людей, отличавшихся кріпким телосложением, рішчюстю і воєнною опытністю. Так довів він свою шапку до чотирьохсот чоловік, складаних більшою частію из беглецов из области Тира и тамошних деревень. С ними він, грабя вездє, шнырял по всій Галілеї, возбуждая многих, находившихся в томительном ожидании предстоящей войны».
- 12 Остальні відмінності суть наслідки помилок, ср. наречень замість нарочить; лжеименѣць замість лицемѣрец; стропотливее замість строптивѣи.
- 13 К. В. Кириченко недавно передположила, що доволі рідке вираження «оусмотрети верема подобно/оугодно» (*ПСРЛ* 2: 772, 859, 861), ймовірно, має своїм джерелом аналогічні формули из *Истории иудейской войны* (доклад «Літературні джерела деяких литовських сюжетів у Галицько-Волинському літописі», прочитаний 15 грудня 2005 г. в «Києво-руському семінарі» Інституту історії України НАН України). В самому делє, у Флавия це доволі устойчивая формула, употребленная не раз: видѣ врѣма оугодно 358г 40–41; на оугодно время пришедѣшо 378а 7–8; шврѣтъ на ко оуго(д)но врѣма 407а 36–37; оузрев се время оугодно 471в 19; видѣвъ время оугодно совѣ 370в 40–41; время оугодно обрѣтъше 466в 10–11. Примечательно, что один из случаев (егда врѣма оугодно воудеть) находится на той же оборотной стороне листа — 408г — что и интересующий нас текст с характеристикой Іоанна, заимствованный в *ГВл*.